

Петренко А.Д., Петренко Д.А.
ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ
В ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Изучение фоностилистической вариативности произношения (на сегментном уровне) предполагает анализ речи представителей различных социальных групп населения Германии с целью описания и сравнения социолектов на основе стратификационного метода. Проблема социофонетической стратификации современного немецкого языка в Германии определяет основные направления анализа произношения в данном аспекте, предоставляет возможность связать явления вариативности современного немецкого языка на произносительном уровне с действием того или иного социального признака. Рассматривая особенности функционирования современного немецкого языка в Германии, необходимо подчеркнуть, что изучение социально обусловленной вариативности немецкого языка на фонетико-фонологическом уровне исходит из понимания национального языка как целостной структуры.

Данный подход позволяет объединить три аспекта дифференциации современного немецкого языка – а) диатопическую (вертикальную) – формы существования, включающие в себя литературный, разговорный язык и местные диалекты; б) диастратный (горизонтальный) – характеризующийся взаимодействием социальных факторов и проявляющийся в существовании таких вариаций, как, например, социолекты, сексолекты, аннолекты, идиолекты; в) диафазный (функциональный), определяемый ситуативными факторами и подразумевающий наличие различных стилистических уровней в пределах разных вариаций.

Современная социолингвистика придает большое теоретическое и практическое значение изучению особенностей реальной немецкой речи в синхронии, руководствуясь комплексным подходом, включающим в себя учет возрастной дифференциации, дифференциации по социальным группам и по признаку пола. Данные три аспекта тесно связаны друг с другом. Все говорящие, независимо от их социальной, региональной, возрастной и прочей принадлежности, делятся на мужчин и женщин. Каждый из них находится на определенном этапе своей социализации или принадлежит к определенной социальной и профессиональной группе. В лице каждого говорящего представлено его поколение. Учет возрастного фактора, на наш взгляд, чрезвычайно важен, поскольку акустические параметры человеческого голоса изменяются на протяжении жизни несколько раз.

Речевая вариативность, связанная с действием социальных признаков, не хаотичный процесс всевозможных редуций и ассимиляций. Все отмеченные варианты обусловлены действием как внелингвистических, так и лингвистических факторов. При этом суть последних связана с внутривидовыми законами и явлениями языка, которые регулируют т.н. "пределы" вариативности сегментного состава и коррелируют в свою очередь с внеязыковыми факторами. Следовательно, внутривидовые законы языковой системы, взаимодействуя с определенными социальными признаками, приводят к различным вариациям в речи говорящего, создавая тот или иной "социальный" акцент. Носители языка активно владеют или пассивно регистрируют разнообразные речевые вариации, при этом последние дифференцированно распределяются у говорящих, имеющих разный социальный статус, пол и возраст. Данное положение позволяет устанавливать переменных правил реализации сегментного состава в каждом идио-, социо-, сексо- и аннолекте и намечает пути поиска источников звуковых изменений. Необходимость же исследования речи говорящего в т.н. "динамической синхронии", то есть в отдельном идиолекте на протяжении длительного времени, позволяет проследить ход звукового изменения. Подобный подход соответствует принципам хронологического описания, намеченного в ходе социофонетического изучения произносительных особенностей детей.

Ведущим при фоностилистическом исследовании детской речи стал *ситуативный метод*, т.е. изучение произносительных особенностей речи в различных ситуациях (контекстах, обстановках) общения (официальных –непринужденных), и связанный с этим выбор говорящими определенного произносительного стиля (официального и неофициального общения).

Основное внимание в ходе работы уделялось реализации стандартных, разговорных и диалектных произносительных форм в речи информантов. Анализ проводился на сегментном уровне с использованием возможностей аудиторского метода. Записи речи методом "скрытой записи" проводились на миниатюрный диктофон и подвергались социофонетическому анализу на стационарной аудиозаписывающей и воспроизводящей аппаратуре.

Языковые способности и возможности детей с давних пор привлекают к себе внимание лингвистов многих стран. Дети включаются в языковую коммуникацию с произнесения "простых" звуков и их "элементарной" комбинации. Оба слова взяты в кавычки не случайно, поскольку вряд ли кто сможет взять на себя право думать наоборот. Для социолингвистики язык детей – источник возможных ответов на множество еще нерешенных вопросов. Главными среди них являются, пожалуй, два – гипотеза о развивающихся языковых изменениях как теоретическая проблема языкознания вообще и чисто прикладная задача развития равной языковой способности детей в процессе воспитания и обучения в семье и обществе.

Демократическое общество давно заботит возможность ликвидации языкового неравенства и устранения всяческих языковых барьеров в образовании. Тем не менее, тезис о "стирании различий", в том числе и языковых, постоянно доказывает свою несостоятельность. Многогранные и обширные общественные явления, постоянно оказывающие влияние на язык, не устраняют языковые различия, а лишь подчеркивают их все время с новой силой. Обладают ли все дети изначально одинаковыми умственными и физическими возможностями и способностями? Наследуют ли они их от своих родителей и предков или нет? Ответов на эти вопросы до сих пор нет. Уровень развития науки не позволяет объяснить данные явления, а генетическая

информация продолжает оставаться в большинстве своем еще недоступной. Об этом свидетельствуют новейшие исследования, проводимые в крупнейших научно-исследовательских центрах мира.

Каждый человек наследует с рождения две пары хромосом, содержащие 100 000 генов. Именно они и определяют то, как мы думаем, чувствуем и говорим. Стивен Хаймен, директор национального института генетики в Вашингтоне (National Institut of Mental Health), полагает, что человечество никогда не разгадает свою генетическую программу (Human 1998). Роберт Пломин, руководитель центра психиатрии в Лондоне (Social, Genetic and Developmental Psychiatry Research Center), проводивший в течение длительного времени исследования, касающиеся развития языковой способности близнецов, считает, что два фактора – наследственность и социальное окружение играют решающую роль в развитии ребенка (Plomin 1997). В своей работе, опубликованной в октябре 1997 г. журналом “Discover”, Р.Пломин утверждает, что даже кровные близнецы с идентичным набором генов никогда не будут обладать одинаковыми мыслительными и языковыми способностями. По мнению автора, гены управляют реакциями индивидуума на окружающий мир, однако они, как составные части структуры ДНК, не производят эмоций и чувств – они производят белок, необходимый для нормальной жизнедеятельности организма. Задачей же ученого, полагают Д.Скьюз и Б.Хорстхемке (Skuse, Horsthemke 1998), является поиск сходных черт и различий во всех областях жизни человека, в том числе и в развитии его языковой способности реагировать на окружающий мир.

Особенностям речи детей в области произношения посвящен ряд работ, опубликованных в последние десятилетия. Наиболее значительными среди них являются исследования Е.Хилза, Б.Велмана, Е.Пула, М.Темплин, Д.Олмстед, Л.Мена, А.Московица, Н.Ватерсона, Д.Инграма, М.Фея, Д.Бертала, Х.Венглера, Л.Выготского, Р.Якобсона, Ч.Фергюсона (Hills 1914; Wellman 1931; Poole 1934; Templin 1957; Olmsted 1971; Menn 1971; Moskowitz 1970; Wängler 1983; Ingram 1976; Bernthal 1988; Jakobson 1968; Ferguson 1965; Ferguson 1975). Во всех работах внимание лингвистов сосредоточивается вокруг определения корреляций, устанавливаемых между: а) артикуляционными характеристиками говорящего; б) акустическими результатами реализаций; в) функцией фонетических сегментов в речи; и г) фонологическими процессами, приводящими в совокупности к вариативности инвентаря фонем языка.

В этой связи особый интерес представляет собой, на наш взгляд, речь детей, находящихся в переходной возрастной стадии от “детской фазы” (3-6 лет) к “юношеской фазе” (начальный и средний школьный период с 6 до 14 лет), по классификации М.Крупски (Krupski 1990). Процессы развития базовой языковой способности у детей происходят, по мнению И.А.Бауман-Венглер, в период начального этапа их жизни, то есть примерно с 12 месяцев от рождения до 6-7 лет (Bauman-Waengler 1990). К этому времени дети способны произносить практически все гласные и согласные, а также семантически, морфологически и синтаксически правильно оформлять высказывания. Исходя из этого, был произведен отбор информантов, членов целевой группы, возраст которых колебался от 6 до 12 лет. Все дети являлись учениками начальной школы и представляли четыре региона Германии –города Гамбург, Бонн, Гейдельберг и Лейпциг. Таким образом, удалось охватить четыре региональных массива –северный, южный, центрально-западный и восточный. Лингвистическому анализу подверглась речь 87 детей (22 из Гамбурга; 24 из Бонна; 20 из Гейдельберга; 21 из Лейпцига).

Особый интерес представляли собой образцы неподготовленной, спонтанной речи. Примерами непринужденного общения стала речь детей между собой, зафиксированная методом “скрытой записи” в школе во время перемен и в свободное время. Все реализации сверялись с источниками стандартного немецкого произношения (GWDA и Aussprachewörterbuch DUDEN), а также местных диалектов.

Следует отметить, что диапазон социальных контактов, и связанных с ними социальных ролей ребенка в этот период его жизни, еще ограничен и сфокусирован в основном в трех сферах – семья, школа, улица. В этом смысле интересно, говорит ли ребенок всегда одностильно или же обстановка общения оказывает влияние на его речь и приводит к варьированию произносительных форм. Для того, чтобы установить этот факт, были предприняты “открытые” записи речи информантов-детей на пленку в условиях школы и семьи, т.е. их ответы на вопросы интервью, что рассматривалось в качестве образцов более корректной речи. К основным вопросам интервью относились такие, как: 1.Нравится ли ребенку учеба в школе, какие основные предметы он любит больше всего, и почему? 2.Как ребенок проводит свое свободное время? 3.Как распределяются обязанности между членами семьи, в которой он живет? 4.Как у ребенка складываются отношения с друзьями в школе и дома? 5.Какие телепрограммы ему нравятся? Посещает ли он кино (любимые кинофильмы), зоопарки (любимые звери), детские кафе (любимые сладости и блюда)? и т.п.

С целью создания условий для более “гибкого” перехода от официальной обстановки общения к неофициальной, детям было также предложено выразительно прочесть наизусть любимое стихотворение или отрывок прозы (рассказать сказку, интересную историю). Таким образом, удалось проанализировать речь детей в трех контекстах общения: а) чтение (или пересказ наизусть) подготовленного или известного текста; б) нестандартное интервью; в) спонтанные диалоги.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что для речи детей характерна высокая степень вариативности сегментного состава немецкого языка для всех трех обстановок общения информантов. Как следует из материалов исследования, детской речи свойственны многие признаки, типичные для спонтанной разговорной речи: эллиптичность, неравномерность паузации, эмфатическое ударение, частые повторы и т.д. Данные признаки являются результатом действия двух основных тенденций, отличающих речь молодого поколения – краткость и экспрессивность. Часто наблюдается элизия гласных и согласных, субституция одних звуков другими, нередко сходного образования, апокопа ауслатного [t], выпадение как от-

дельных звуков, так и целых слогов, сокращение форм. Наблюдается тенденция к сжатию групп слов и фраз в единства, приближающихся по своему звучанию к слову. Усиление взаимодействия звуков в пределах таких сжатых единиц приводит к появлению редуцированных форм. Таким образом, создаются условия для количественной и качественной редукиции гласных, появления сонантных слогоносителей, ассимиляции, деформации и опущения согласных.

Изменения гласных. К наиболее ярко выраженным произносительным особенностям речи детей в условиях нестандартного интервью и непринужденного контакта общения можно отнести качественную редукицию гласных, выраженную в субституции одних гласных другими и изменениях гласных по степени подъема языка и ряда, лабиализации, а также признака “закрытый” – “открытый”. Общей характерной особенностью явилось отсутствие твердого приступа у гласных.

1. Качественной редукиции подвергались краткие гласные высокого подъема [ʊ] и [i]. В середине закрытого слога в позиции после “w” перед [R] краткий [ʊ] произносился как долгий закрытый гласный среднего подъема [o:]: [ʊ] → [o:] Wurst – [vʊRst] → [vo:ʌs] = CГССС – CГ↓ГС (согласный [R] в инлаутной позиции после гласного вокализовался; отмечена апокопа конечного [t]. Здесь и далее используется слоговая структура: C-согласный; Г-гласный. Стрелками ↑ и ↓ обозначены изменения по признаку подъема языка, а ← и → изменения по признаку ряда).

2. В начале слова в приставке “unter-” и в предлоге “unter” краткий [ʊ] реализовался перед сонантом как открытый гласный среднего подъема [ɔ]: [ʊ] → [ɔ] unter – [ˈʊntʌ] – [ˈɔntʌ] = ГССС – Г↓ССС; Unterricht – [ˈʊntɪʁiçt] – [ˈɔntɪ(Ri)jɪçt] = ГССГГССС – Г↓СССГССС.

3. В середине закрытого слога между сонантами “R” и “l” краткий закрытый [i] произносился как долгий закрытый гласный среднего подъема [e:]: [i] → [e:] Brille [ˈbRilɪ] → [ˈpRe:l] = ССГГГ – ССГ↓С (оглушение звонкого [b] в анлауте перед [R],

выпадение конечного безударного [ɪ] и появление сонантного слогоносителя).

4. В закрытом ударном слоге краткий закрытый [i] реализовался в позиции после “w” перед “R” как лабиализованный открытый гласный среднего подъема [œ], сонорный “R” выпадал: [i] → [œ] wird – [vi ʌt] – [vœ(œ)t] = ГГСС – ГГ↓СС; wirklich – [ˈviRkliç] – [ˈvœ(œ)kliç] = ГГСССГГ – ГГ↓СССГГ.

5. В позиции перед сонантом ([R]; [m]; [l]) краткий открытый гласный верхнего подъема [i] лабиализовался и произносился как краткий открытый [y] или как краткий открытый гласный [œ] со смещением по признаку подъема языка; согласный [R] на конце слога и слова вокализовался: [i] → [y] → [œ] – Kirsche – [ˈkiRʃɪ] – [ˈkyœʃɪ] = ГГССГ – ГГГГГ; [ˈkiRʃɪ] – [ˈkœœʃɪ] = ГГССГ – ГГ↓ГГГ; immer – [ˈimɪ] – [ˈœmœ] = ГСС – Г↓СС; Milch – [milç] – [mylç] = ГГСС – ГГ↓СС.

6. Под влиянием огубленного [ʃ] нелабиализованный открытый краткий [i] в акцентной позиции также лабиализовался и произносился в односложных словах как краткий открытый [y]: [i] → [y] Fisch – [fiʃ] – [fyʃ] = ГГС – ГГС; Tisch – [tiʃ] – [tyʃ] = ГГС – ГГС. В свою очередь, наблюдалось обратное явление, когда краткий [y] в закрытом ударном слоге перед аффрикатой подвергался делабиализации с заменой на открытый [i]: [y] → [i] Schütze – [ˈʃytsɪ] – [ˈʃitsɪ] = ГГГГ – ГГГГ; Mütze – [ˈmytsɪ] – [ˈmitsɪ] = ГГГГ – ГГГГ.

В данных реализациях происходили изменения гласных по признакам подъема, лабиализации, “открытости – закрытости”: “высокий” → “средний”; “открытый” ↔ “закрытый”; “нелабиализованный” ↔ “лабиализованный”.

7. Качественной редукиции подвергались гласные среднего [œ], [E], [o:] и низкого подъема [a], переднего и заднего ряда, лабиализованные и нелабиализованные. Краткий открытый лабиализованный [œ], реализовался в закрытом ударном слоге в качестве нелабиализованного гласного того же подъема и ряда [E]: [œ] → [E] Knöpfe – [ˈknœpfɪ] – [ˈknEpfɪ] = ССГГГ – ССГГГ.

8. Отмечена реализация краткого открытого [E] как долгого открытого [e:] перед [R] и вокализация сонанта [R]: [E] → [e:] Stern – [ˈtɛRn] – [ˈte:ʌn] = ССГСС – ССГСС.

9. В безударной позиции задний закрытый гласный среднего подъема [o:] реализовался как передний открытый [a:] низкого подъема, а краткий открытый [a] в ударном слоге произносился как задний открытый [ɔ] среднего подъема. При этом происходило выпадение начального безударного слога с полудолгим [o] и безударного [ɔ] в окончании, элизия глухого [t] и появление сонантного слогоносителя:

[o:] → [a:] [a] → [ɔ] Schokolade – [ʃokoˈla:dɔ] – [kaˈla:dɔ] = ГГГГГГГГ – ГГ↓→ГГ↓→ГГ; Sandkasten – [ˈzantkast(ɔ)n] – [ˈzɔntkast(t)n] = ГГСССГСССГ – С←Г↑СССГ(С)С.

10. Процесс качественной редукиции нередко приводил к выпадению гласных, а в безударном окончании -en сопровождался назализацией пловива [t] – hatten – [ˈhatɪn] – [ˈhatn] = ГГГГГ – ГГСС.

Подобные явления отмечены как в срединных, так и в конечных позициях. В анлаутной позиции часто сокращался начальный слог: Schokolade – [ʃokoˈla:dɔ] – [kaˈla:dɔ] = ГГГГГГГГ – ГГ↓→ГГ↓→ГГ; Schokolade – [ʃokoˈla:dɔ] – [ɔkˈla:dɔ] = ГГГГГГГГ – ГГССГГГГ; Pralinen – [pRaˈli:nɪn] – [pRaˈli:n] = ССГГГГГГ – ССГГГГ.

В отмеченных выше случаях происходили следующие изменения гласных: а) по признаку подъема: высокий → средний:

[ʊ] → [o:] – [i] → [e:] – в позиции перед сонантами [R], [l], [n];

[ʊ] → [ɔ] → [o:];

б) по признаку ряда, открытости / закрытости и подъема: средний ↔ низкий -

• низкий → средний; открытый → открытый:

[a] → [ɔ] – в закрытом ударном слоге;

• средний → низкий; открытый → закрытый;

[o:] → [a:] – в открытом безударном слоге;

- открытый → закрытый:

[E] → [e:] – в позиции перед [R];

г) по признаку лабиализации – нелабиализованный ←→ лабиализованный:

[y] → [i] – в закрытом ударном слоге;

[i] → [y] → [œ] – в позиции перед сонантами [R], [l], [m], а также глухим лабиализованным [j], после “w”;

[œ] → [E] – в закрытом ударном слоге.

Изменения согласных.

1. В речи детей наблюдается большое число сокращений как первых, так и вторых элементов аффрикаты [tʃ], [pf] и [ts], а также других консонантных групп – [ʃtR]; [ʃpR]; [tʃv]; [kR]; [ks] (в ин- и ауслaute). Отмечены следующие изменения:

[pf] → [f]; [pfl] → [fl]; [ʃtR] → [ʃR] → [ʃ]; [ʃpR] → [ʃp] или [pR]; [tʃv] → [tv]; [kR] → [k]; [ks] → [k], например: [pf] → [f] – в анлауте: Pferd – [pfe:ɔt] – [fe:ɔt]; Pfand – [pfant] – [fant]; Pfleger – [ˈpfle:ɡɔ] – [ˈfle:ɡ ɔ]; Pflaume – [ˈpfloamɔ] – [ˈfloamɔ];

[pf] → [f] → [p] – в ауслaute: Topf – [topf] – [tof] – [top]; Kopf – [kopf] – [kof] – [kop]; Zopf – [tsopf] – [tsop];

[ts] → [t] → [s] – в анлауте: Zwetschge – [ˈtʃvEtʃgɔ] – [ˈtvEtʃgɔ]; Zwerg – [tʃvERk] – [svEɔk]; Zopf – [tsopf] – [sop];

[tʃ] → [ʃ] – в анлауте – Tschüss – [tʃys] – [ʃys]; Tscheche – [ˈtʃEçɔ] – [ˈʃEçɔ]; [ʃtR] → [ʃR] – в анлауте; [ʃtR] → [ʃ] – в анлауте – Streit – [ʃtRaet] – [ʃRaet]; streng – [ʃtREŋ] – [ʃREŋ]; Strohhalm – [ˈʃtRo:halm] – [ˈʃ(R)o:halm];

[ʃpR] → [ʃp] → [p] – springen – [ˈʃpRɪŋən] – [ˈpRɪŋən]; Sproßen – [ˈʃpRo:sɔn] – [ˈpRo:sɔn];

[kr] → [k] – Krokusse – [ˈkRo:kusɔ] – [ˈko:kusɔ]; Kreis – [kRaes] – [kaes].

В консонантных сочетаниях [ʃtR] и [ʃpR] нередко наблюдалась элизия первого элемента, причем в сочетании [ʃtR] происходила делябиализация и субституция первого элемента [ʃ] фрикативным [s], при этом глухой взрывной [t] выпадал:

Strohhalm – [ˈʃtRo:halm] – [ˈsRo:halm] – [ˈtRo:halm];

[ʃtR] → [sR] → [tR] – Straße – [ˈʃtRa:sɔ] – [ˈsRa:sɔ]; Strumpf – [ʃtRʊmpf] – [sRʊmf]; Stuhl – [ʃtu:l] – [tu:l]; [ʃpR] → [pR]; [ʃp] → [p] – Sprache – [ˈʃpRa:xɔ] – [ˈpRa:xɔ]; Spritze – [ʃpRitsɔ] – [ˈpRisɔ]; Spiegel – [ˈʃpi:gɔl] – [ˈpi:gl].

2. В речи детей часто отмечается явление расширения [j] и появление аффрикаты [tʃ] в анлаутной позиции: [j] → [tʃ] – в анлауте – Schokolade – [ʃokoˈla:dɔ] – [tʃokoˈla:dɔ]; Schirm – [ʃiRm] – [tʃiɔm]; Schnee – [ʃne:] – [tʃne:]; schon – [ʃo:n] – [tʃo:n]; Schein – [ʃaen] – [tʃaen].

3. Встречались отдельные случаи субституции щелевого [ç] аффрикаты [tʃ] в конце слова после [l] и [ç] → [tʃ] – в ауслaute Milch – [milç] – [miltʃ].

4. Отмечена также субституция щелевого [ç] глухим щелевым [j] в интервокальной позиции после краткого гласного, а также щелевого огубленного [ʃ] глухим фрикативным [s] в анлаутной позиции: [ç] → [j] – в инлауте – Küche – [ˈkyçɔ] – [ˈkyjɔ]; Löcher – [ˈlœçɔ] – [ˈlœjɔ]; [j] → [s] – в анлауте – Schuhe – [ˈʃu:ɔ] – [ˈsu:ɔ]; Schirm – [ʃiRm] – [siɔm]; schön – [ʃø:n] – [sø:n].

5. На стыке слогов и в ауслaute в консонантном сочетании “ks” вместо глухого фрикативного [s] отмечена реализация аффрикаты [ts], например: [s] → [ts] – в ин- и ауслaute – Mix – [miks] – [mikts]; Hexe – [ˈheksɔ] – [ˈhektsɔ]; Fuchs – [fʊks] – [fʊkts]; Taxi – [ˈtaksi] – [ˈtaktsi].

6. В анлаутной позиции перед “w” аффриката [ts], наоборот, утрачивала первый элемент и реализовалась как [s]; вместо звонкого взрывного [b] произносился звонкий фрикативный того же образования [v] (Zwiebel): [ts] → [s]; [b] → [v] – в анлауте перед “w” – Zwiebel – [ˈtʃvi:bɔl] – [ˈsvi:v(ɔ)l]; zwei – [tʃvae] – [svai]; Zwerg – [tʃvERk] – [svEk]; zwanzig – [ˈtʃvantsɪç] – [ˈsvantsɪç]; zeigen – [ˈtʃaegɔn] – [ˈsaen]; Zeit – [tʃaet] – [sait].

7. Нередко происходило оглушение звонких фрикативных [z] и [v] в начале слова и слога, в интервокальной позиции или перед гласным: [v] → [f] – в инлауте; [z] → [s] – в анлауте – Möwe – [ˈmø:vɔ] – [ˈmø:fɔ]; sammeln – [ˈzamɔln] – [ˈsam(l)n].

8. Недостаточной развитостью детской артикуляционной системы объясняется, по-видимому, реализация вместо щелевых –(звонкого) [z] и (глухого) [s] –переднеязычно-дентальных звонкого [ð] и глухого [θ], близких по звучанию согласным английского языка “th”: [z] → [ð] – в ан- и инлауте; [s] → [θ] – в ин- и ауслaute; перед глухим: Esel – [ˈe:zɔl] – [ˈe:ðl]; sieben – [ˈzi:bɔn] – [ˈði:bm]; Haus – [ˈhaos] – [ˈhaoθ]; Tasse – [ˈtasð] – [ˈtaθθ]; Kiste – [ˈkistɔ] – [ˈkiθɔ].

9. Фортисные [p]; [t]; [k] произносились в анлаутной позиции практически без аспирации, звонкие [b]; [d]; [g] оглушались, что приводило в ряде случаев к нейтрализации по признакам: глухой –звонкий; ненапряженный –напряженный (Lenis –Fortis): Garten –Karten; der –Teer; Bass –Pass.

Звонкие [b]; [d]; [g] оглушались, как правило, в позиции перед [R] и [l] и реализовались в оппозиции – [*bR] → [pR]; [*gR] → [kR]; [*dR] → [tR]; [*bl] → [pl]; [*gl] → [kl], например: [*bR] → [pR] – в анлауте – Brot – [ˈ*bro:t] – [pRo:t]; Brief – [ˈ*bRi:f] – [pRi:f]; [*gR] → [kR] – в анлауте – Gras – [ˈ*gRa:s] – [kRa:s]; grün – [ˈ*gRy:n] – [kRy:n]; [*dR] → [tR] – в анлауте – drei – [ˈ*dRa:e] – [tRai]; drüben – [ˈ*dRy:bɔn] – [ˈ(t)Ry:bm]; [*bl] → [pl] – в анлауте – Blatt – [ˈ*blat] – [plat]; Blume – [ˈ*blu:mɔ] – [ˈplu:m]; [*gl] → [kl] – в анлауте – glauben – [ˈ*glaobɔn] – [ˈklaobm]; glatt – [ˈ*glat] – [klat].

10. В отдельных случаях в консонантных сочетаниях [tR]; [kR]; [pR], а также [ʃpR], происходило озвончение согласных [p], [t], [k] в анлаутной позиции:

[tR] → [dR] – в анлауте – Trommel – [ˈtRɔmɔl] – [ˈdRɔml]; Trost – [tRo:st] – [dRɔst];

[kR] → [gR] – в анлауте – Kreis – [kRaes] – [gRais]; krumm – [kRʊm] – [gRʊm];

[pR] → [bR] – в анлауте – Preis – [pRaes] – [bRaes];

[ʃpR] → [ʃbR] – в анлауте – Sprudel – [ʃpRu:dəl] – [ʃbRu:dəl].

11. В консонантных сочетаниях [pR]; [bl]; [fl]; [tR] подвергался сокращению один из элементов: [pR] → [p] – в анлауте – Preis – [pRaes] – [paes]; Prinz – [pRintz] – [pintz];

[bl] → [b] в анлауте – Blatt – [blat] – [bat]; Bleistift – [ˈblae|tɪft] – [ˈbai|tɪft];

[fl] → [f] → [l] – в анлауте – fliegen – [ˈfli:gədn] – [ˈfi:ŋ]; Fliege – [ˈfli:gə] – [ˈfi:gə]; Fluß – [flu:s] – [lu:s]; Flamme – [ˈflamə] – [ˈlamə]; Flugzeug – [ˈflu:ktsoek] – [ˈfuktsoek]

[tR] → [t] (в анлауте) → [pR] (персептивная ассимиляция в анлауте) – Trost – [tRo:st] – [to:st]; Trompete – [tRɔmˈpe:tə] – [tɔmˈpe:tə] – [pRɔmˈpe:tə].

12. Отмечены случаи замены заднеязычного сонорного [R] щелевым [j]:

[R] → [j] – в инлауте перед “Ich – Laut” – [ç] – Märchen – [ˈmE:Rçədn] – [ˈme:jçn]; durch – [dʊRç] – [dʊjç].

13. В середине слога после короткого [a] и в ауслaute происходила элизия сонорных согласных [R] и [l]: [R] → [ʃ] – в инлауте после [a:] – Landkarte – [ˈlantkaRtə] – [ˈlantkatə]; [l] → [ʃ] – в ауслaute – edel – [ˈe:dəl]; [ˈe:dəl]; Kegel – [ˈke:gəl] – [ˈke:gəl]; Segel – [ˈse:gəl] – [ˈse:gəl].

Наибольшим изменениям в детской речи были подвержены гласные высокого и среднего подъема, а также аффрикаты, фрикативные и взрывные согласные во взаимодействии с сонорными. При этом отмечались случаи расширения щелевых, что явно не укладывается в рамки теории экономии артикуляционных усилий. Последние явления – расширения и раньше отмечались в исследованиях по социофонетике (см. самое раннее – Gauchat 1905; а также – Labov 1966). У.Лабов отмечает, что в традиционном нью-йоркском типе речи [R] не произносится ни в конечной позиции, ни перед согласными. В то же время в последние десятилетия в речи исконных жителей Нью-Йорка развилась новая престижная форма, в которой [R] произносится. При этом модели реализации варьируют в зависимости от социального слоя и стилистических факторов общения, намечая пути поиска источников звуковых изменений. Исследователи языковых систем нередко сталкивались в прошлом с некоторыми чрезвычайно трудными проблемами. Так, например, А.Ф.Хьюбелл в анализе речевого поведения жителей Нью-Йорка обнаружил явления стилистического и социального варьирования, причем настолько значительные, что, не обнаружив в них никакой системы, объяснил многие отклонения чистой случайностью. По мнению автора, в произношении ряда слов большим числом ньюйоркцев “...обнаруживается система, которая наиболее точно может быть описана как полное отсутствие какой бы то ни было системы... Каждый говорящий постоянно слышит вокруг оба типа произношения [R]; и то и другое кажется ему равно естественным, и случай решает, какое из них сорвется у него с языка” (Hubell 1950).

При решении проблемы социолингвистической стратификации речи на произносительном уровне, ведущими являются следующие принципиальные положения и гипотезы социофонетики:

- Речь членов одного коллектива говорящих различается в разных контекстах общения по употреблению той или иной фонологической переменной и ее вариантов.
- Для любой социофонетической (фоностилистической) переменной возможно определение статистического правила по частотным показателям ее реализации.
- В конкретном стилистическом контексте все члены речевой общности ведут себя сходно, т.е. говорят одностильно. При этом одна и та же произносительная переменная отражает как стилистическую, так и социальную стратификацию. Поэтому, как полагает У.Лабов, трудно однозначно истолковать речевые сигналы сами по себе, например, “отличить небрежно говорящего комиссионера от тщательно говорящего водопроводчика” без учета данных социального и стилистического варьирования (Лабов 1975).
- Закономерности социальной и стилистической вариативности проявляются в качестве социофонетических правил, накладываемых на нормативные.
- Коррелятом регулярной стратификации социофонетической (фоностилистической) переменной является систематическое совпадение субъективных реакций на эту переменную величину.

Исходя из вышеперечисленных принципов, в речи детей были выделены произносительные варианты, не имеющие аналогов в произносительных системах стандартного немецкого языка и местных диалектов. Утверждать же, что отмеченные реализации распространены в разговорной немецкой речи вообще, можно лишь с большими оговорками, так как до сих пор достаточно регулярно не устанавливалось, в речи каких носителей немецкого языка и при каких внешних условиях общения эти вариации встречаются. Определение переменных правил реализации гласных и согласных позволяет выйти за рамки простых обобщений и устанавливать по дифференциальным признакам речи специфику того или иного социоварианта на фонетико-фонологическом уровне.

Что касается речевого поведения детей, то здесь эта проблема решалась довольно определенно, поскольку своеобразие детской речи проявлялось столь ярко, что позволило выделить именно те реализации, которые не встречались в речи представителей других социальных групп. Некоторые произносительные варианты четко различались также и по возрастным показателям в самом детском коллективе, поэтому стало возможным устанавливать частотность употребления вариантов в зависимости от возраста (дошкольный – школьный), что само по себе является социальным маркером, и контекста общения (неофициальный – официальный), отражающего стилистическое варьирование произносительных форм.

Источники и литература

1. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. – М.: Наука, 1975.
2. Bauman –Waengler J. A., Waengler H. -H. Speech Sound Acquisition and Phonological Analysis of Three Groups of German Children // Beiträge zur Phonetik und Linguistik. – Helmut Buske Verlag, Hamburg, 1990.
3. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune. // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. –Halle, 1905; Labov W. The social stratification of English in New York city. – Washington: D.C., 1966.
4. Hills E. C. The speech of a child two years of age // Dialect Notes, 4, 121 –146, 1914; Wellman B.; Case E.; Mengert I & Bradbury D. Speech sounds of young children. University of Iowa Studies in Child Welfare, 5 : 2. –Iowa City: State University of Iowa, 1931; Poole E. Genetic development of articulation of consonant sounds in speech // Elementary English Review. –V. 11. – P. 159-161, 1934; Templin M. Certain language skills in children: their development and interrelationships. –Minneapolis: The University of Minnesota Press (Institute of Child) Welfare Monograph 26, 1957; Olmsted D. Out of the mouth of babes. –The Hague: Mouton, 1971; Menn L. Phonotactic rules in beginning speech. –Lingua. –26. – PP. 225-251, 1971; Moskowitz A. The two – year –old stage in the acquisition of English phonology // Language. –48. – PP. 487-498, 1970; Wängler H. -H. Grundriss einer Phonetik des Deutschen. –Marburg: N. G. Elwert Verlag (4th ed.), 1983; Ingram D. Phonological disability in children. –New York: Elsevier, 1976; Bernthal J. E., Bankson N. M. Articulation and phonological disorders // Englewood Cliffs. –N. J.: Prentice –Hall, 1988; Jakobson R. Child language, aphasia and phonological universals. –The Hague: Mouton. From: Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. – Uppsala, 1968; Ferguson C. A. Directions in Sociolinguistics: Report on an Interdisciplinary Seminar. Social Science Research Council Items 19., 1–4, 1965; Ferguson C. A., Garnica O. Theories in phonological development. –Lenneberg E. & Lenneberg E. (Eds.), Foundations of language development: UNESCO, 1975.
5. Horsthemke B. Prägungsfehler im Genom –mütterlich oder väterlich // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. – FOCUS. –Nr. 3. –S. 109-115, 1998.
6. Hubell A. F. The Pronunciation of English in New York City. –New York, Columbia University Press. –48, 1950.
7. Hyman S. Eine Ladung DNA über Jugoslawien? // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. –FOCUS. –Nr. 3. –S. 109-115, 1998.
8. Krupski M. Organisierte Kriminalität. Betäubungsmittelkriminalität. Lehr- und Studienbriefe. –Verlag Deutsche Polizeiliteratur, Hilden / Rhld., 1990.
9. Plomin R. Identische Zwillinge // Discover. –10, 1997.
10. Plomin R. Erbe oder Erziehung // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. –FOCUS. –Nr. 3. –S. 109-115, 1998.
11. Skuse D. Warum Frauen sozial einfühlsamer sind // Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. –FOCUS. –Nr. 3. – S. 109-115, 1998.

Жукова Л.К., Ткаченко Т.В. ОМОНИМИЯ В АББРЕВИАЦИИ

Аббревиатуры получили исключительно большое распространение в современных языках. Аббревиатуры являются продуктивным способом образования неологизмов. Они облегчают процесс общения, особенно в тех сферах деятельности, где необходима оперативность передачи информации. На сегодняшний день данная тенденция является наиболее актуальной в сфере номенклатуры компьютерных технологий, политики и служб социально-технического обеспечения.

Явление аббревиации стало настолько востребованным, что ни одна область современной жизни не обходится без применения аббревиатур. Эти языковые единицы уже более столетия являются предметом пристального внимания лингвистов. Наиболее значительный вклад в изучение аббревиации как лингвистического явления в различных языках внес Р.И. Могилевский [1,2].

Омонимия среди наиболее лаконичных языковых явлений наиболее определенно подтверждает действие закона речевой экономии, известного еще со времен А.Мартине. Особый интерес так же представляет корреляция отдельных значений аббревиатур английского языка.

Настоящее исследование основано на 4935 аббревиатур блоков «А», «С», «D» словаря «The Oxford Dictionary of Abbreviations» 1996г., включающем 40 000 аббревиатур, используемых в различных сферах жизни. 1276 –25,9 %, английских аббревиатур являются многозначными в широком смысле этого слова.

Общее количество аббревиатур блока «А» по исходным данным «The Oxford Dictionary of Abbreviations» [1] составило 1958 единиц. Общее количество аббревиатур блока «С» составило 1943 единицы. Общее количество аббревиатур блока «D» –1034 единицы. Общее количество значений для каждого блока соответственно составило: «А» –2747 единиц; «С» –3996 единиц; «D» –1941 единица. На базе данного словаря, методом сплошной выборки, были выбраны и обработаны аббревиатуры блока «А», «С», «D» на принадлежность к различным сферам жизни, наличие омонимов и графическим типам. Также были выявлены наиболее частотные значения элементов аббревиатур данных блоков.

Омонимия в аббревиации включает такие аспекты как: тематическая классификация аббревиатур по